

Они были удивительной парой. Впервые увидев его — это произошло 11 февраля 1903 года в картинной галерее известного московского коллекционера Щукина, — она записала в дневнике: «Познакомилась с очень противным художником на тонких ногах и с тонким голосом».

Невооруженным глазом видно, что характеристика эта если и не пристрастна, то по крайней мере эмоциональна и, стало быть, далека от объективности. И в самом деле. Ноги «противного художника», коли уж и были тонки, то лишь по сравнению с его большим, толстым — да еще при маленьком-то росте! — телом. Настоятельно толстым, что однажды на испанской границе его отвели в отдельное помещение и заставили раздеться, ибо, как напишет позже один из его спутников, «его толщина показалась подозрительной».

Сам Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин, подписывавший свои произведения лишь второй частью фамилии, ничуть не обольщался относительно своей внешности. «Не царевич я!» — признавался он без всякого, впрочем, самоуничижения в одном из посвященных Маргарите стихотворений.

Дочь преуспевающего чаеоторговца, эта молодая дама носила известную в России фамилию: Сабашни-

ко. рез несколько месяцев после их знакомства в галерее Щукина, он спрашивает, что почувствовала она в тот момент — момент его отъезда. И, вернувшись к себе на улицу Октав Фейе (был конец мая, цвели каштаны), записывает ответ Маргариты.

«Перед вашим отъездом в Париж я была тогда совершенно одинока в Москве. Вы были единственным светлым лучом. Мне было приятно и весело, что вы здесь, но я была мертва. А теперь, когда я жива, я почувствовала, что вы ушли... Вы мне ужасно не нравились, и я чувствовала в то же время и боль, и привязанность, и грусть, что вы ушли».

Между этим разговором и тем давним отъездом в Париж, практически бегством, лежит расстояние почти в два года. Еще в дороге он написал уже упомянутые стихи «Я ждал страданья столько лет...» — стихи эти открывают цикл, латинское название которого переводится на русский язык как «Святая горечь любви». Но открывают они не только цикл, а це-

М. А. ВОЛОШИН

М. В. САБАШНИКОВА

«Я слышала великие слова...»

ВОЛОШИН УТВЕРЖДАЛ, ЧТО НЕ УМЕЕТ СТРАДАТЬ. ЭТА ИСТОРИЯ ДОКАЗЫВАЕТ ОБРАТНОЕ

кова. Маргарита Васильевна Сабашникова... Двоюродные дяди ее, Михаил и Сергей, были основателями издательства, завоевавшего быстрый и высокий авторитет. В числе авторов его был и Волошин — поэт, художник, литературный критик, переводчик... А еще — неутомимый путешественник, пешком исходивший (при его-то тучности!) пол-Европы. «Для того, чтобы вполне узнать страну, — утверждал он, — необходимо ощущать ее вдоль и поперек подошвами собственных сапог».

Особенно много подошв стер он на мостовых Парижа — города, который обожал и который знал как свои пять пальцев. Когда через год после знакомства в галерее Щукина сюда приехала под присмотром тети молодая незамужняя красавица Маргарита Сабашникова, Волошин тотчас взял ее под свое покровительство. «Каждое утро, — вспоминала впоследствии Маргарита Васильевна, — являлся Макс Волошин и водил меня в музеи, церкви, в мастерские художников и по окрестностям Парижа».

Как видим, отношение к московскому знакомцу теперь несколько иное. «Противный художник на тонких ногах» остался в дневнике как память о первой мимолетной встрече, ныне перед ней был совсем другой человек, куда более симпатичный. «Шевелюра, правда, невероятная, а его костюм — свитер и короткие штаны — в этом элегантно-обществе мог считаться неуместным. Но очень добрые, детские глаза и искренний энтузиазм заставляли забывать все его экстравагантности».

А экстравагантностей было хоть отбавляй — об этом твердят в один голос чуть ли не все, кто знал Волошина. Он необычно одевался, необычно вел себя, говорил необычные вещи. Уверял, к примеру, что «никогда не страдал и не знает, что значит страдать».

Так пишет в своих воспоминаниях Маргарита Сабашникова и примерно то же самое пишет он — в стихах, ей посвященных. «Я ждал страданья столько лет...»

Восполнила ли она этот пробел? Восполнила, и даже с лихвой; во всяком случае ситуация, в которой он оказался благодаря ей, была б мучительна для всякого мужчины, но Волошин и тут повел себя в высшей степени необычно.

Но обо всем по порядку. Мучительный период наступил не вдруг, всполохи будущей грозы озарили его лирический небосклон задолго до того, как разразилась она, и это отражено в дневнике Волошина, который он справедливо называл «Историей моей души». Так, говоря о своем отъезде в Париж осенью 1903 года, че-

ловый период в творчестве Максимилиана Волошина; с полным правом его можно назвать «сабашниковским» циклом — это признавал и сам поэт. «Все, что я написал за последние два года, все было только обращением к Маргарите Васильевне».

Она оценила это. Она считала его рыцарем («Вы рыцарь — таких теперь нет»), что не мешало быть ей временами беспощадной к ним. «Вы очень небрежно одеваетесь... Помните, я предупреждала вас о своей способности неожиданно возненавидеть человека? Я не могу бороться с ней... Я начинаю ненавидеть сперва его вещи... И вот я уже ненавижу вашу накидку. Я точно так же ненавидела мантилью одного человека, который любил меня».

В 1973 году, в том самом году, когда, перешагнув девятнадцатилетний рубеж, умерла Маргарита Сабашникова, в Париже вышла книга воспоминаний забытой ныне писательницы Евгении Герцык, которая была очевидцем тех давних, развешивающихся в начале века событий. В посвященной Волошину главе Максимилиан Александрович запечатлен рядом с Маргаритой Васильевной.

«Пышноволосый, задыхающийся в речи от спешки все рассказать, все показать, все воспринять. А рядом с ним тоненькая девушка с древним лицом брезгливо отмечает и одно и другое, сквозь все ищет единого пути и ожидающим и требующим взглядом смотрит на него. Он уставал от нее, уходил».

Уходил в буквальном смысле слова, пешком, за десятки, за сотни километров, утоляя заодно ненасытную свою страсть к путешествиям, «но, — свидетельствует мемуаристка, — месяцы проходили — и опять, брызжащийся радостью, спешил через Европу туда, где она. И они соединились».

Соединились... О том, как произошло это, рассказала полвека спустя сама Маргарита Васильевна. Решение выйти за Макса она приняла, не посоветовавшись с родителями, и больше всего опасалась гнева матери. Собственная взрослая отвага, однако, пришла к ней по душе. «Было странно только, что я не чувствовала себя счастливой. Тем не менее мое сообщение, посланное родителям, было так решительно, что мама не протестовала».

12 апреля 1906 года Маргарита Сабашникова и Максимилиан Волошин обвенчались в Москве в церкви Святого Власия и через два дня уехали в Париж.

Счастливым ли был их брак? Видимому, не очень. «То застенчивая, то высокомерная, Маргарита отнеслась ко мне: «Ах, Макс, ты все путаешь, все путаешь...»

Это — свидетельство очевидца. Здесь же приводится ответ Волошина: «Но как же, Амори, только из путаницы и выступит смысл». (Ласковое имя «Амори» — или «Аморя» — произведено от латинского слова, означающего «любовь».) Умозаключение, как это нередко бывало у Волошина, довольно парадоксальное, но если он прав и если из путаницы действительно выступает смысл, то завязавшаяся в октябре 1906 года, через шесть месяцев после венчания, головомная путаница и впрямь обнажила истинный смысл их отношений.

А началось с того, что супруги Волошины, вернувшись из продолжительного свадебного путешествия и летнего отдыха в Коктебеле, поселились в Петербурге на Таврической улице в доме № 25. Но это был не просто дом, это был дом, который хорошо знала вся столичная художественная элита. В историю русской культуры он вошел как «башня» поэта-символиста Вячеслава Иванова, жившего с женой на последнем этаже в угловой и впрямь напоминающей башню полукруглой мансарде.

«Вячеславу Иванову было тогда около сорока двух лет, — говорит в своей книге Сабашникова, но она немного ошибается: в 1906 году ему исполнилось ровно сорок. — Он был высоким, стройным, легкие рыжеватые-белокурые волосы падали отдельными маленькими завитками по обеим сторонам высокого лба».

По средам в «башне» собирались актеры и философы, музыканты и художники. Тут бывали Комиссаржевская, Мейерхольд, Бердяев... Попасть на «ивановские среды» считалось большой честью. Но если большинству гостей приходилось съезжаться для этого со всех концов огромного города, то чете Волошиных надо было просто подняться, даже не переодеваясь в выходной костюм, этажом выше.

Тут-то по истечении некоторого времени и началась та самая «путаница»...

Для поправки здоровья Волошин отправил жену в пансионат, что располагался в двух часах езды от столицы, в живописном месте, среди лесов и озер, правда, замерзших: стояла зима. Все здесь было превосходным: свежий воздух, покой, но Маргарита соскучилась по мужу и раз после обеда, никого не предупредив, уехала тайком в Петербург.

«Я думала застать Макса за ужином, но, когда я в радостном нетерпении пришла в нашу квартиру, там было темно и пусто. Я оставила записку и поднялась этажом выше».

То есть к Ивановым. Здесь обрадовались внезапному ее появлению, усадили за стол, напоили горячим

чаем. Хозяин пребывал в отличном расположении духа: сыпал шутками, поддразнивал гостью, «но, — пишет Сабашникова, — я все время прислушивалась, ожидая Макса. Когда же он наконец очень поздно позвонил и Вячеслав пошел открывать дверь, я побежала за ним. И правда — это был Макс. Я бросилась к нему навстречу, но Вячеслав обернулся и преградил мне дорогу. Я прыгнула направо — он сделал то же, я — налево, и он снова оказался между нами. Мы смеялись шутке, но она, как я позднее поняла, была совсем уж не такой безобидной».

Так это началось. Хозяин знаменитой «башни» встал между супругами, доверчиво приоткрывшимися у ее подножия, и отстранить его — либо обойти — они не сумели.

«Скоро мне стало ясно, что Вячеслав меня любит. Я сказала об этом Лидии, прибавив: «Я должна уехать».

Лидия — это жена Иванова. Но жена удивительная. Во всяком случае в этой истории она повела себя довольно необычно. Никаких сцен ревности, никаких упреков и обид. Напротив!

«Ты должна выбирать, — сказала Лидия, — ты любишь Вячеслава, а не его». «Да, — соглашается Сабашникова, — я любила Вячеслава, но эта любовь была такова, что я не понимала — почему Макс должен быть из нее исключен».

А вот Лидия — та не исключалась, отнюдь. «У них была странная идея: когда двое так слились воедино, как они, оба могут любить третьего».

Лишним, таким образом, оказался Макс, и он понял это. Понял и без единой жалобы понес свой крест — по-прежнему неугомонный и фонтанирующий весельем, по-прежнему не умеющий страдать. Так внушил он всем, кто его окружал, и ему верили, но о том, что действительно творилось в душе этого жизнелюбца, понастоящему ведал лишь его дневник.

Вот запись, сделанная 2 марта 1907 года, в девять часов утра — время, для дневника вроде бы не совсем подходящее: его обычно пишут по вечерам либо глубокой ночью, оставаясь в одиночестве. Но теперь в одиночестве он был всегда, круглые сутки... «Все спят. Я хожу по пустынной серой квартире, и мне кажется, что башня совсем опустела. Амори нет — она спит в комнате Лидии. Мне обидно и больно, как ребенку, что меня не встретили, меня не ждали. Мне хотелось бы видеть только ее, говорить только о ней. Мне чудно здесь одному, и мне хочется уйти, и в то же время все меня привязывает и душа моя не может жить в другом месте. В душе у меня отречение и непреодолимая боль. Милая моя девочка, милая зай-

ка. Я сам должен толкнуть ее к окончательному шагу».

Что означает последняя фраза? Она означает, что он, законный муж, должен собственными руками толкнуть свою «девочку», свою «милую зайку», все еще колеблющуюся, все еще не знающую, как ей быть, в объятия другого. Отказаться от нее — ради нее самой, как в душевном смятении записывает он в дневнике. Отказаться! А это непросто даже ему, хотя со стороны мерещилось, что все-то ему дается без усилий — сти-

хи, картины, отношения с близкими; что он шагает по жизни легко и весело. Или даже не шагает, а катится — круглый, мягкий, неизменно доброзелательный ко всем.

«Однажды вечером, — вспоминала впоследствии та, из-за кого в «башне» началась великая путаница, — Вячеслав сказал мне: «Я сегодня спросил Макса, как он относится к близости, растущей между тобой и мной, и он ответил, что это его глубоко радует».

Волошин и себя пытается убедить в этом, в том числе и с помощью самого надежного, самого верного своего друга — дневника, но здесь уже слово «радует» звучит несколько иначе. «Я радовался тому, что Аморя любит Вячеслава, но не будет принадлежать ему».

Так радовался чему? Тому, что любит, или тому, что не будет принадлежать другому мужчине? Кажется, второму, но осознал он это не сразу.

Однако осознал. «Утром я проснулся и огляделся. Все пусто и ясно — мыслей не было. Я внимательно посмотрел внутрь: мысль пришла: надо отдать все, надо, чтобы Аморя была до конца его».

Но одно дело — мысль, и другое — ее реальное воплощение. Вероятно, это единственный случай, когда Волошину приходилось делать над собой усилие, чтобы отдать что-то — обычно он расставался с принадлежащим ему без малейших колебаний. Но тут все было иначе. «Я знаю, что надо делать, но мне страшно, страшно тяжело. Я представляю, как Аморя уйдет от меня и придет другой».

И все же он сделал то, что считал нужным. Женщина оценила это. Спустя много лет она напишет в своей книге: «Макс всегда заботился только обо мне». И приведет его слова: «ты ведь можешь, никого не страшивая, приехать в Коктебель в свой дом. Я же могу, если ты думаешь, что так будет лучше, уехать на время».

Это говорилось, когда она уже принадлежала другому. Но с Волошиным время от времени виделась, бывала у него в Коктебеле, однако не требовала при этом, чтобы хозяин покинул собственный дом.

...С Ивановым отношения не сложились. Овдовев, он женился на своей падчерице, и дальше Маргарита пошла по жизни одна.

Ее мемуарной книге предпослан эпиграф из Гете: «Я видела Королей и говорила с ними... Я слышала великие слова...»

Что ж, этой женщине повезло: не каждая может сказать о себе подобное.

Руслан КИРЕЕВ.